

«ВОЦЕРКОВЛЕНИЕ» ВРЕМЕНИ В МИССИОНЕРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЦЕЗАРИЯ АРЕЛАТСКОГО

Д. М. ОМЕЛЬЧЕНКО

*Ставропольский
государственный
университет*

e-mail: dorothy_om@mail.ru

Анализируется попытка епископа Арелатского Цезария (470-542) переосмыслить в практике церковной жизни категорию времени – одну из ключевых в картине мира каждого общества. Итогом его миссионерской деятельности в этой сфере стали практики, сочетавшие как языческое, так и христианское представления, характерные для той формы религиозности, которую принято называть народным христианством. Такой результат обусловлен отчасти тем, что Цезарий пытался насадить в светском обществе формы монашеского времяпрепровождения. С другой стороны, он связан с тем, что «мирское» время в большинстве случаев приравнивалось Цезарием к «языческому».

Ключевые слова: Цезарий Арелатский, воцерковление, восприятие времени, христианизация, проповедь.

Восприятие времени является одной из ментальных структур, которые, по словам известного медиевиста Жака Ле Гоффа, «образуют основу образа мысли и жизни всякого общества»¹. Поэтому христианское переосмысление этой категории в сочинениях раннесредневековых авторов и попытки «воцерковления» времени в практике раннесредневековых проповедников открывают для исследователей перспективу изучения психологического и поведенческого аспектов христианизации. Данную проблему мы рассмотрим на примере деятельности Цезария Арелатского (470-542) – епископа, проповедника и церковного реформатора.

Цезарий, происходивший из знатной семьи, ещё в юности ушёл в Леринский монастырь². Подорвав здоровье суровой аскезой, он оставил обитель и отправился в город Арелат – крупный центр средиземноморской Галлии. Здесь при посредничестве своего родственника – епископа Эония – Цезарий был назначен сначала настоятелем мужского монастыря, а затем избран на епископскую кафедру, которую возглавлял почти 40 лет.

В основе разработанной Цезарием стратегии христианизации и пастырского попечения лежало представление об идеальном обществе – «Граде Божиим на земле» – несовершенном и весьма далёком от истинного «Града Божия», но всё же в чём-то сопоставимом с ним»³. В этом Граде себя – как епископа – он видел ночным стражем, основная обязанность которого – наблюдать, чтобы народ вёл жизнь, достойную в конечном итоге Царства Небесного⁴. Среди методов достижения этой цели важная роль отводилась контролю духовенства над временем мирян.

Разумеется, наиболее обоснованным контроль клира над временем прихожан был в пространстве церкви: пока шло богослужение и совершались таинства. Поэтому настойчивый призыв Цезария к пастве чаще посещать церковь в свободное время вполне понятен и тривиален. Интерес представляют его упрёки в адрес людей, уже

¹ Ле Гофф Ж. Рождение чистилища / Пер.с фр. В. Бабинцева, Т. Краевой. Екатеринбург, 2009. С. 6.

² Леринский монастырь был основан св. Гоноратом на острове напротив современных Канн в 410-х гг. под влиянием египетской и палестинской аскетических традиций и стал древнейшим на Западе центром регулярного монашества.

³ Klingshirn W. Caesarius of Arles. The making of a Christian Community in Late Antique Gaul. Cambridge, 2004. P. 84.

⁴ Vita Sancti Caesarii I, 18 // Patrologiae cursus completus. Seria Latina / Ed. J.-P. Migne. T. 67; Serm.1 (Все дальнейшие ссылки на проповеди даны по изданиям: Cesaire d' Arles. Sermons au peuple // Sources Chretiennes, 175, 243, 330; Caesarius of Arles. Sermons. The Catholic University of America Press, 1964, 1972. Vol. II, III).

пришедших на богослужение: они показывают, что миряне далеко не всегда признавали право духовенства распоряжаться их свободным временем даже в стенах церкви. В своих проповедях Цезарий сетует, что миряне, вместо того, чтобы молиться, занимают себя «глупыми и неуместными историями», сплетнями и шутками, хвастаются друг перед другом дорогими нарядами и украшениями⁵. Иными словами, церковное пространство, а равным образом и время богослужения в глазах мирян подчас утрачивали свой сакральный смысл: церковь становилась одним из центров общественной жизни, а время богослужения – мало отличимым от времени традиционного досуга.

Пытаясь отстоять право клира распоряжаться временем мирян в пространстве церкви, Цезарий установил правила поведения для прихожан во время богослужений: «Он распорядился, чтобы миряне пели псалмы и гимны... одни по-гречески, другие по-латыни и исполняли антифоны, дабы не было в церкви времени заниматься болтовней»⁶. Заметив однажды, что прихожане после богослужения расходятся, не выслушав его наставления, Цезарий велел впредь запираить двери церкви во время проповеди⁷. Впрочем, своим правом проповедника он не злоупотреблял, стараясь произнести речь за 15-20 минут⁸.

С другой стороны, это распоряжение – нечто большее, чем обычное стремление епископа соблюсти нормы благочестия, поскольку себя он считал не просто провозвестником *verbum Dei*. Отмечая амбициозный характер проекта Цезария, современный исследователь пишет: «Он представлял тело паствы непрерывно внимающим его слову – фактически, существующим постольку, поскольку оно следует его слову»⁹. Непрерывность должна была обеспечиваться постоянным пересказом прихожанами в семейном или дружеском кругу того, что они услышали от Цезария в церкви¹⁰.

Примечательно в связи с этим первое распоряжение Цезария в качестве епископа: «Он велел... чтобы каждый третий, шестой и девятый час дня в базилике св. Стефана проходили богослужения, и клирики пели гимны, дабы всякий из мирян или кающихся мог воспользоваться церковной службой по своему желанию, не оправдываясь тем, что какие-то повседневные заботы мешают ему прийти на службу»¹¹. Уставные молитвы в стенах городской церкви совершенно определённо свидетельствуют о прототипе задуманного Цезарием Града – монашеской общине.

Впрочем, реальный город вовсе не походил на монастырь. Судя по проповедям Цезария, Арелат оставался крупным политическим и экономическим центром, в котором кипела деловая и общественная жизнь: постоянно мелькали должностные лица,¹² торговцы, купцы¹³ и ремесленники¹⁴. Особое место в проповедях занимают «богатые и могущественные мужи» и «деликатные матроны из знатных родов»¹⁵. Вообще, судя по часто приводимым деталям из повседневной жизни, наставления епископа были рассчитаны, прежде всего, на людей состоятельных¹⁶ и отнюдь не склонных подчинять ритм своей жизни дневному распорядку монастыря. В свою очередь, Цезарий не претендовал на полный контроль церкви над временем мирян. Он даже считал оправданным отсутствие на богослужении людей, занятых производительным трудом или государственной службой¹⁷.

⁵ Serm. 77, 78.

⁶ Vita I, 15.

⁷ Vita I, 14.

⁸ Delage M.-J. Cesaire d' Arles. Sermons au peuple. Introduction // Sources Chretiennes, 175. P. 64.

⁹ Leyser C. Authority and asceticism from Augustine to Gregory the Great. Oxford, 2000. P. 95.

¹⁰ Serm. 6,8; 78,4; 108,5.

¹¹ Vita I, 13.

¹² Serm. 33,1; 43,4; 72,4; 94,3.

¹³ Serm. 6,2; 8,1; 39,2; 159,1; 168,6.

¹⁴ Serm. 44,6; 72,1; 76,3; 86,4.

¹⁵ Serm. 72,3; 70,2; 202,1; 219,3; 42,6.

¹⁶ См.: Филиппов И.С. Средиземноморская Франция в раннее средневековье. Проблемы становления феодализма. М., 2000. С. 462.

¹⁷ Serm. 33,1; 72,1.

Чего Цезарий действительно добивался, так это контроля церкви над досугом мирян. Как явствует из тех же проповедей, арлезианцы сохраняли традиционные для античности формы досуга. Они не утратили вкус к словопрениям и часто покидали церковь ради обсуждения различных дел на форуме¹⁸. Знать любила выезжать на охоту¹⁹. Представители всех социальных слоёв стремились развеять душевную тоску, наблюдая «жестокие, кровавые и позорные зрелища»²⁰ в театре и цирке или играя в кости²¹. Особое негодование епископа вызывали затягивавшиеся до утра пиры, которые любили устраивать как горожане, так и селяне, причём не только зажиточные, но и бедные – как только у них появлялось угощение для гостей²². Предлагаемые Цезарием альтернативные формы проведения свободного времени – молитва, бдение, чтение Священного Писания или книг духовного содержания²³ – почти не находили отклика у его прихожан. И дело вовсе не в «язычестве», в котором епископ обвинял паству, или не только в нём. Традиционные виды досуга были не просто отдыхом от повседневных забот, но и формами социальной идентичности, демонстрацией имущественного и культурного статуса горожан или селян – тем, чему Цезарий не мог найти достойной замены в границах только формировавшейся церковной культуры.

Безуспешными оказались попытки Цезария – и не только его, но и многих поколений проповедников – заменить дни недели, названные в честь языческих богов, названиями в соответствии с днями творения в Книге Бытия²⁴. Вопрос о причинах этой неудачи слишком обширен, чтобы обсуждать его здесь. Возможно, одним из существенных факторов была утрата религиозного значения названий – в том числе и для тех, кого Цезарий называл «язычниками» – поэтому для замены привычных наименований не было достаточной мотивации²⁵.

Вообще, проблема «языческого» сопротивления начинаниям Цезария, в том числе и в деле «воцерковления» времени, весьма сложна. В частности, это касается его миссионерской стратегии в отношении традиционных языческих праздников. Как известно, праздники отражают присущее всякому религиозному человеку стремление преодолеть разрыв между профанным временем и сакральным²⁶. Поэтому в данном случае Цезарий – как и многие миссионеры до и после него – стремился не искоренить языческие праздники, а насытить сакральное время христианскими смыслами. Характерен пример январских календ, «кощунственное» празднование которых Цезарий безуспешно пытался заменить праздником Обрезания Господня²⁷. Причины своей неудачи епископ осмысливал исключительно в религиозных категориях: как злостное сопротивление язычников – противников христианской веры. Однако многочисленные ритуалы, кристаллизовавшиеся к тому времени вокруг январских календ, не всегда были религиозны по своему содержанию и намерению. Разумеется, нельзя отрицать, что даже те, кто считал себя христианами, «пытались использовать в своих интересах потенциал, связанный с ежегодным возобновлением времени»²⁸. И всё же обычай обмениваться подарками, лежавший в центре январских праздников, имел совершенно чёткую социальную окраску: его целью было укрепление дружеских и клиентских связей. Праздник Обрезания Господня не давал альтернативы этому «светскому» содержанию январских календ, отчасти именно поэтому различные сопровождающие их «кощунственные обычаи» искоренялись с трудом.

¹⁸ Sermon. 55,1; 74,3.

¹⁹ Sermon. 61,3.

²⁰ Sermon. 31,2; 61,3; 150,3.

²¹ Sermon. 61,3; 198,3.

²² Sermon. 1,17; 6,1; 8,2; 30,1,2; 31,1; 46,2,8; 47,5; 67,3; 148,1; 188,5; 198, 3, 4; 199,1,6; 224,3.

²³ Sermon. 148,1; 198; 199.

²⁴ Sermon. 54, 1; 193,4.

²⁵ См.: Klingshirn W. Op.cit. P. 216.

²⁶ Элиаде М. Священное и мирское / Пер. с фр. Н.К. Горбовского. М., 1994. С. 48.

²⁷ Sermon. 191; 192; 193.

²⁸ Klingshirn W. Op.cit. P. 216.

Нельзя сказать, что попытка «воцерковления» времени получила полное поражение. Скорее, её результат был иным, нежели ожидал Цезарий. Так, в своих проповедях он не раз упоминал о том, как во время христианских праздников его прихожане устраивают возле церквей «кощунственные танцы»²⁹ или о том, как во время пиров звучат здравицы в честь ангелов и святых³⁰. Другими словами, попытка Цезария закончилась традиционным в таких случаях результатом: формированием народного христианства со свойственным ему тесным переплетением языческих и христианских практик. Отчасти этот результат связан с различием между контекстом, в котором вырабатывалась стратегия христианизации, и контекстом, в котором она реализовывалась – между монашеской общиной с одной стороны и городскими и сельскими обществами с другой. Отчасти, возможно, с тем, что препятствия в деле христианизации Цезарий осмысливал почти исключительно в религиозных категориях, в большинстве случаев отождествляя понятия «мирской» и «языческий».

«CHURCHING» OF TIME IN MISSIONARY ACTIVITY OF CAESARIUS OF ARLES

D. M. OMELCHENKO

Stavropol State University

e-mail: dorothy_om@mail.ru

This article is devoted to attempt of bishop Caesarius of Arles (470-542) to rethink in practice of church life a category of time – one of key importance in a picture of the world of each society. A result of his missionary activity in this sphere of steel of practice which combined pagan and Christian representations, characteristic for that form of religiousness which can be named popular Christianity. Such result is caused partly by that Caesarius tried to spread in a secular society of the form of monastic pastime. On the other hand, it is connected by that "wordly" time was in most cases equated by Caesarius to "pagan".

Keywords: Caesarius of Arles, churching, perception of time, Christianization, sermon.

---

²⁹ Serm. 188;199.

³⁰ Serm. 46,2,8; 47,5.